

Комментарий в устном тексте в свете теории речевых жанров

Виктория А. Черванёва

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktoriya-cherbaneva@yandex.ru*

Аннотация. В статье обсуждается лингвистическая теория речевых жанров и эвристические возможности ее применения в фольклористике на материале сказочных текстов, записанных профессиональными собирателями от носителей традиции в условиях интервью. Ставится вопрос о речежанровом статусе сказки и комментариев исполнителя – во-первых, а во-вторых – вопрос об отношениях между этими типами текста и об обуславливающих эти отношения факторах. С помощью методологического инструментария теории речевых жанров рассматривается характерная для «информативного диалога» (*make-know discourse*, «диалог-1» по Н.Д. Арутюновой) тенденция помещать собственно фольклорный нарратив в «капсулу» автобиографического мемората об истории знакомства рассказчика с текстом. В результате анализа «комментарий» сказочника квалифицируется как элемент (микрожанр) не сказки, а макрожанра «интервью /беседа», прорывающийся в фольклорный текст. При этом разговорный дискурс описывается как речевая среда, в которую погружен фольклорный текст, в рамках которой существует и эксплицируется. Таким образом, теоретические подходы концепции речевых жанров могут быть полезны в сфере изучения текстов устной традиции, позволяя включить фольклорные тексты в единое поле исследования.

Ключевые слова: речевой жанр, фольклорный жанр, разговорная речь, устный текст, комментарий, сказка

Для цитирования: Черванёва В.А. Комментарий в устном тексте в свете теории речевых жанров // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 6. С. 48–66. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-6-48-66

Comment in an oral text in light of the theory of speech genres

Victoria A. Chervaneva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the linguistic theory of speech genres and the heuristic possibilities of its application in Folklore studies using the material of fairy tales recorded by professional collectors in interviews. The question is raised about the speech-genre status of a fairy tale and a performer's commentary, and the question of the relationship between these types of text and the factors that determine these relationships. Using the methodological tools of the theory of speech genres, the tendency characteristic of the “informative dialogue” (*make-know discourse*, “dialogue-1” according to N.D. Arutyunova) to place the actual folklore narrative in the “capsule” of an autobiographical story about the history of the narrator's acquaintance with the text is considered. As a result of the analysis, I qualify the storyteller's “commentary” as an element (microgenre) not of a fairy tale, but of the macrogenre “interview/conversation”, breaking through into the folklore text. At the same time, I describe conversational discourse as a speech environment in which the folklore text is immersed and within which it exists and is explicated. Thus, theoretical approaches to the concept of speech genres can be useful in the studies of oral tradition texts, allowing folklore texts to be included in a single general field of research.

Keywords: speech genre, folklore genre, colloquial speech, oral text, comment, fairy tale

For citation: Chervaneva, V.A. (2025), “Comment in an oral text in light of the theory of speech genres”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 48–66, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-6-48-66

Теория речевых жанров (далее – РЖ) – направление, ставшее чрезвычайно актуальным в лингвистических исследованиях в последние тридцать лет, как известно, имеет своими источниками лингвистическую теорию речевых актов, возникшую в середине XX в. в трудах ученых Оксфордской школы [НЗЛ 1986], и концепцию М.М. Бахтина, созданную примерно в то же время независимо от оксфордцев [Бахтин 1996]. Хотя поиски в области системности речи, безусловно, начались гораздо раньше, идеи речевых моделей обрели особую актуальность в отечественной лингвистике только

в конце XX в. и вызвали настоящий бум исследований (см. обзор этого научного направления и обширную библиографию работ, которая все время продолжает пополняться [Дементьев 2010], а также материалы весьма авторитетного в научном отношении журнала «Жанры речи»¹, возникшего в 1997 г. сначала как серийный ежегодный тематический сборник статей).

В лингвистической науке наряду с большим интересом к исследованиям в области РЖ наблюдается и обратная тенденция – скепсис и разочарование в возможностях этого направления. Основаниями для критики являются неполнота и непоследовательность имеющихся классификаций РЖ, а также нечеткость критериев их выделения. Как отметил В.М. Алпатов, концепция РЖ страдала этими недостатками с самого начала своего зарождения – прежде всего сам Бахтин, выдвинув идею РЖ и указав на их бесконечное многообразие в коммуникации, не дал оснований их разграничения [Алпатов 2011].

Вопрос о количестве РЖ открыт и вряд ли вообще может быть решен. Так, В.В. Дементьев в упомянутой выше монографии приводит для русского языка список из порядка 250 РЖ, которые когда-либо подвергались специальному исследованию [Дементьев 2010, с. 294–304]. При рассмотрении этого списка обращает на себя внимание диффузный характер многих РЖ и несопоставимый объем сущностей, обозначаемый этим термином (например, РЖ «приказ», который может представлять собой монопредикативное высказывание, и РЖ «разговор по душам»).

При том, что реальность РЖ объективна и подтверждается многими экспериментальными данными (РЖ легко опознается собеседниками, обуславливает ожидания слушателя и формирует коммуникативную ситуацию), оказалось, что создание единого, общего, непротиворечивого методологического инструмента для анализа речевых моделей стало непосильной задачей, «поскольку противоречив, чрезвычайно разнороден был сам анализируемый материал» [Дементьев 2010, с. 12]. В итоге это привело к отказу от глобальных объяснительных моделей и переносу фокуса исследований на отдельные участки речежанрового пространства – поиску системности в их пределах. Эти сложности объясняют отсутствие единого поля, единой методологии и единой терминологии в рамках теории РЖ.

Тем не менее, несмотря на имеющиеся проблемы, исследования в этой области представляются необходимыми. Особенно важно

¹ Жанры речи. URL: <https://zhanry-rechi.sgu.ru/> (дата обращения 26.12.2024).

это для изучения фольклорной речи, которая сама по себе стереотипна, коллективна и очевидным образом функционирует в виде моделей и клише. Вполне закономерно, что концепция РЖ не осталась незамеченной фольклористами, предметом изучения которых является устная вербальная традиция и речевые практики ее носителей. Попытки применить методологический инструментарий теории РЖ в фольклористике можно встретить в работах Е.Е. Левкиевской [Левкиевская 2006; Левкиевская 2008], С.М. Толстой [Толстая 2015], О.Е. Фроловой [Фролова 2008], К.Е. Сычевой [Сычева 2014], О.В. Санниковой [Санникова 1994], А.В. Сидоренко [Сидоренко 2018], И.С. Веселовой [Веселова, Лысыкова 2024], В.А. Черванёвой [Черванёва 2017b; Черванёва 2024] и др.

При этом следует отметить те же сложности, как и при исследовании речежанрового пространства в других сферах, а именно: при попытке применения методологии РЖ к объемному массиву данных выявляется хаотичное разнообразие реального речевого материала, и предлагаемые типологии не могут учесть и охватить всего многообразия текстов. Так, Е.Е. Левкиевская выделила и описала четыре жанровых разновидности восточнославянского мифологического текста – *быличку, поверье, дидактическое высказывание и обращение к мифологическому персонажу*, которые представляют собой формы воплощения традиционной мифологической информации в речи [Левкиевская 2006, с. 155–158]. Эта система, однако, учитывает не все типы текстов народной культуры с мифологическим содержанием: например, не упоминаются тексты описаний ритуальных практик, достаточно хорошо опознаваемые в массиве фольклорно-мифологического материала. Тем не менее прагматический критерий, положенный в основу классификации Е.Е. Левкиевской, дал возможность по-иному взглянуть на систему жанров устной мифологической прозы, и последовательное применение этого критерия позволяет продолжить исследование, уточнить его результаты и описать не учтенные до этого типы текстов (примером тому может послужить РЖ «личная интерпретация» как разновидность мифологического текста, см. [Черванёва 2017b; Черванёва 2019]).

На материале другой традиции – алтайской – подобный анализ был произведен К.Е. Сычевой с использованием более широкого спектра прагматических характеристик и в более узком прагматическом контексте (только в ситуации интервью). В результате ею было выявлено и описано шесть речевых ритуально-прагматических жанров, свойственных изучаемой традиции: *определение, мифологическое предание, поверье, быличка, ритуальное правило (запрет), описание ритуальной практики («антипрактики»)* [Сы-

чева 2014]. Однако при таком подходе остается (и остался) невыясненным вопрос о характере влияния коммуникативной ситуации на тексты – неизвестно, существуют ли тексты мифологической тематики в такой речевой форме вне ситуации интервью, и, следовательно, непонятно, насколько описанные РЖ релевантны в целом для естественного состояния традиции, «невозмущенной среды».

Так же, как и в целом в лингвистике, среди исследователей фольклорной речи наблюдается разное понимание объема понятия РЖ, что не позволяет выстроить единую и непротиворечивую типологию текстов. С.М. Толстая, например, говоря в целом об условности границы между языковыми и фольклорными РЖ, очевидно, под последними имеет в виду РЖ в структуре обрядового дискурса [Толстая 2015, с. 20].

Тем не менее, несмотря на сложности и известные издержки применения теории РЖ к фольклорному материалу, у этой методологии есть объяснительный потенциал, который может быть использован при интерпретации наблюдаемых явлений в текстах устной традиции – в частности, некоторых особенностей, которые обнаруживаются при анализе сказки.

Так, еще в конце прошлого века Н.М. Герасимова обратила внимание на то, что сказка как речевой жанр представляет собой феномен гораздо более сложный, чем собственно текст сказочного повествования, и посвятила несколько своих работ описанию коммуникативной ситуации рассказывания сказки [Герасимова 1995; Герасимова 1997; переизд.: Герасимова 2012]. Исследовательница обратила внимание на вербальные и невербальные элементы, маркирующие эту ситуацию и задающие ее границы, а также на сложный статус субъекта речи, триединый по ее мнению (ср.: «В русской фольклорной традиции Сказочник обладает триединым статусом: он реальный рассказчик, создатель сказочной “картины мира” и герой сказки» [Герасимова 2012, с. 80]). «Сказочником как героем сказки» здесь называется субъект – действующее лицо в присказках, концовках и т. д., тогда как «сказочник как реальный рассказчик» – это конкретный человек, исполнитель, который общается со слушателями и комментирует то, что рассказывает, в режиме реального времени. Ср. примеры записей исполнения сказки – речевая партия «сказочника как реального рассказчика» выделена курсивом:

Как ни кричал на помощь коту петух – кот ни слов, ни крика не услышал. Так утатила лиса петуха. *Эта сказка поставлена на соблазнительность, чтобы люди не соблазнялись и не верили на все данные приманки* (СЦР, № 19);

– Вот так зверь к нам пришёл – Кот Котофеевич! Такого мы сроду не видавали!

(Уж я не знаю: папа мне всё да бабушка рассказывала, да вот такие сказки. Сама что-нибудь придумает, а они слушают, дети.) (СЦР, № 21).

Наблюдения над этими текстовыми элементами – ремарками, комментариями сказочника – и рассмотрение их соотношения со сказочным текстом и речевой средой, в которой появляется и функционирует текст, позволяют уточнить некоторые утверждения Н.М. Герасимовой (см. подробный анализ в: [Черванёва 2024]).

Прежде всего при ближайшем рассмотрении возникает вопрос: являются ли комментарии сказочника элементом речевого жанра сказки и полноправной частью сказочного текста или же это комбинация двух отдельных речевых жанров? Н.М. Герасимова, говоря о триединстве ипостасей сказочника, очевидно, полагала верным первое утверждение.

И второй вопрос, с неизбежностью вытекающий из первого и требующий осмысления: об отношениях между названными типами текстов (сказкой и комментарием) – это отношения соположения или включения?

Для решения этих вопросов, полагаю, целесообразно привлечь наработки теории РЖ в области разговорной речи. Так, уже первые классификации речевых жанров в русистике были ориентированы на учет того речевого континуума, в котором функционирует тот или иной РЖ. Например, типология РЖ Н.Д. Арутюновой – одна из наиболее известных и цитируемых классификаций РЖ – предполагает наличие пяти разновидностей РЖ в зависимости от типа диалога, в котором используется тот или иной РЖ: «1) информативный диалог (make-know discourse); 2) прескриптивный диалог (make-do discourse); 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (make-believe discourse); 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений (interpersonal-relations discourse); 5) праздноречевые жанры (fatic discourse): а) эмоциональный; б) артистический; в) интеллектуальный» [Арутюнова 1992, с. 52–53].

Вербальные структуры, возникающие при этом, могут быть рассмотрены как соотношение первичных и вторичных РЖ – с помощью моделей, где один жанр является элементом другого (гипержанр – жанр; макрожанр – микрожанр; и т. п.) или же как соотношение речевых и коммуникативных (речесобытийных) жанров (см. подробно обзор подходов в [Дементьев 2010]). И.Н. Борисова, например, предлагает типологию диалогических макрожанров (жен-

ская болтовня, мужской треп, травля анекдотов и т. п.), в рамках которых существуют монологические микрожанры: шутка, анекдот, рассказ-пластинка, повествование и т. п. [Борисова 2009, с. 54].

Что же происходит, когда РЖ является одновременно фольклорным жанром, т. е. имеет традиционную форму, содержание, характер бытования? Очевидно, наблюдается аналогичная ситуация. Текст, который мы опознаем как фольклорный, не существует в вакууме, он всегда погружен в речевую среду, мы его вычленим из потока речи, из речевого субстрата. Ср. пример макрожанра «трёп», который приводит И.Н. Борисова из разговорной текстотеки УрФУ: именно в рамках указанного макрожанра появляются (и очевидно, таким образом и существуют) микрожанры «песня», «анекдот», «паремия»)²:

Ситуативный контекст: времяпрепровождение рабочих в подсобке во время перерыва. Л. – Владимир Иванович, 62 года, бригадир слесарей, образование среднее техническое; М. – Максим, 27 лет, станочник, студент-заочник; Д. – Дмитрий, 31 год, электроэрозионист, образование высшее техническое.

Д. – Хорошо когда не надо денег//

М. – Зачем нам? (ЦИТИРУЕТ АНЕКДОТ) <Орлы! Раз вы орлы зачем вам деньги?>//

Л. – Ой/ Максим/ а ты знаешь эту песню?

М. – Какую?

Л. – (ПОЕТ) <Когда б имел златые горы...> (ПОЮТ ВМЕСТЕ) это вот Димку надо/ тут без Димки/

М. – Как там дальше?

Л. – Я не буду говорить/ потому что скажут/ опять я тебя испортил//

М. – (УПРАШИВАЕТ) Нет/ ну Владимир Иванович...

Л. – Вообще/ если я брошу работать/ то сразу постарею на десять лет/ лишиться такого придурка/ соседства с таким придурком/ это сразу/ знаешь как подействует//

М. – Ну спасибо Владимир Иванович// то есть вы считаете что я придурок/ да?

Л. – Я разве сказал фамилию?

Д. – Сказал <этот придурок>/ можно понять, что начальник// (СМЕЮТСЯ) Вы кого имели в виду?

М. – То что имею/ то и введу//

Д. – Жопу с усами//

² Пример приводится с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Л. – (СМЕЕТСЯ) А вот я знаю песню

Д. – (ПЕРЕБИВАЕТ) Слышал анекдот? Короче в приёмной сидит Берия / выбегает Ворошилов из кабинета и бросает / <жопа с усами> // Берия заходит и грит / <тут только что от вас вышел Ворошилов / сказал / <жопа с усами> / (ПОДРАЖАЯ ГОЛОСУ СТАЛИНА) <да? хорошо / вызвать его> / Ворошилова вызвали / <Вы тут сказали недавно / выходя из моего кабинета <жопа с усами> / вы кого имели в виду?> // <кого? Гитлера конечно / а вы кого / товарищ Берия?> // (СМЕЮТСЯ) [Борисова 2009, с. 59].

Таким образом, фольклорный текст («вторичный РЖ» в понимании М.М. Бахтина [Бахтин 1996, с. 161–162]) находится как бы в «бульоне» речевой коммуникации, в рамках макрожанра «трёп», «беседа», «разговор по душам» и т. д. В случае записи сказок от исполнителей очевидно, что комментарий сказочника – это элемент макрожанра «интервью / беседа», прорывающийся в сказочный, фольклорный текст (вторичный жанр). Присущий разговорной речи и, соответственно, макрожанру «беседа» речевой дейктический режим, предполагающий ориентацию на момент речи и место говорящего в этот момент, проявляет себя и в ремарках рассказчика, что сразу маркирует «выход» говорящего из сказочного текста в реальную коммуникативную ситуацию (ремарки сказочника приводится в скобках):

Жила-была козочка, и у ней было девять козлят. <...> Ну а за ней следил волк. (Вот как сейчас говорят, вот так и есть.) А вдруг волк пришёл (СЦР, № 30).

Жили-были в лесу. Была избушка такая, и в ней жили петушок и котик. (Мы, внуки, затаив дыхание, слушаем.) И вот всё жили они, жили (дай муху убью), и однажды у них кончились дрова. Печку топить надо было. А дрова кончились (СЦР, № 17).

Примеры демонстрируют совершенно четкое ощущение границы двух разных языковых стихий.

Такой способ бытия текста (вторичного РЖ) внутри первичного макрожанра, судя по всему, свойствен не только сказке и малым жанрам, а является универсальным. Ср. записи исполнения былин О.Э. Озаровской от сказительницы М.Д. Кривополеновой³ – по ком-

³ Бабушкины старины: [сказительницы былин Архангельской губернии Марии Дмитриевны Кривополеновой] / сост. О.Э. Озаровская. Пг.: Огни, 1916. 116 с.

ментариям исполнительницы, которые публикатор приводит вместе с текстом былины (курсивом в скобках), очевидна погруженность народнопоэтического текста в разговорный речевой контекст.

Об этой же особенности бытования фольклорного текста (правда, без использования методологии теории РЖ) пишет Н.В. Возякова [Возякова 2014] – в ее работе речевой контекст ситуации записи народного романа не только учитывается, но и используется для реконструкции песенного текста.

Речежанровые структуры, в рамках которых эксплицируется фольклорный текст, могут иметь и более сложное, многоуровневое устройство. Так, А.В. Исаков, говоря о бытовании бурятских «исторических» песен (т. е. песен на исторические темы), подчеркивает, что они существовали всегда и только в рамках другого жанра – исторических преданий: при рассказе о том, что герой пел в тот или иной момент действия [Исаков 2024]. Очевидно, что историческое предание, включающее в себя песню, также встроено в рамки более крупного речевого жанра – «беседа», и т. п.

Вернемся к материалу сказки. Итак, фольклорный текст всегда погружен в речевую среду. Интересно при этом выяснить характер отношения традиционного текста с этой речевой средой и особенности их взаимодействия и взаимовлияния. Содержательный анализ комментариев, которыми сказочники сопровождают повествование, свидетельствует о том, что предмет этих ремарок часто являются обстоятельства, при которых рассказчик узнал эту сказку, или воспоминания о собственном детском опыте восприятия сказок. Ср.:

И говорит котик петушку: <...>

Заинтересовался – выглянул. Его лиса-то и цап-царап, и потащила. Вот. Ой, закричал. (Бабушка так. Мы все затаили дыхание: петушка-то жалко!) <...>

Петушок тут спрятан в норе. Вот петушок. Вот котик осмелился, эту отодвинул – и туда в нору.

Я здесь! Братик Котя, я здесь! <Говорит тонким высоким голосом.>

И взял петушка (так бабушка рассказывала), и пошли они домой. И стали жить счастливо петушок с котиком. Вот такие дела (СЦР, № 17).

Просматривается тенденция помещать собственно фольклорный сказочный нарратив в «капсулу» автобиографического мемората об истории знакомства рассказчика с текстом. Ср. начало и окончание сказки (фрагменты мемората выделены курсивом):

Сказок много рассказывали. Все слушают внуки – про Кота Котофеевича. Сама соображала, а они все ребятишки – любят это маленькое, вот внуки особенно. Вот эти, Андрей у меня был так в Ярославле.

Жили-были старик со старухой. У них был большой кот серый. Кот уже был старый, ничего не делал, только на печке лежал.

<...>

– Вот так зверь к нам пришёл – Кот Котофеевич! Такого мы сроду не видавали!

(Уж я не знаю: папа мне всё да бабушка рассказывала, да вот такие сказки. Сама что-нибудь придумает, а они слушают, дети.) (СЦР, № 21).

(Так, начну я сказку, которую бабушка рассказывала мне, когда я была маленькая. Причем она рассказывала, она вот много, а вот эти две врезались в память, наверное, потому, что я их нигде больше не читала и не слышала. Поэтому, возможно, вот они для меня вот так, действительно, в памяти остались.)

Итак, жили-были старик со старухой. В низенькой избушке. Как-то тёмной... зимним вечером постучался к ним в избушку волк.

<...>

Сошли, дверь закрыли, овечек прибрали в свою стайку и стали жить-поживать дальше.

(Вот вроде маленькая, но вот эта песня, которую она еще пела так: Баушка, баушка, дай мне овечку!

*Такой вроде страх наводили даже эти слова от бабушки. Вот я говорю, что я этой сказки больше нигде не слыхала и не читала.)*⁴

Таких примеров сказок – в обрамлении свидетельского показания об источнике текста – достаточно много, и такая особенность показалась мне не случайной, а системной. Причем, заметим, эта особенность обычно всегда считалась характерным признаком не сказочной, а напротив, несказочной, достоверной прозы – в мифологических рассказах ссылки на источник информации являются типичным элементом текста и зачастую порождают многоэтажные нарративные структуры с несколькими уровнями наррации [Веселова, Степанов 2019; Неклюдов 2024; Черванёва 2017а; Черванёва 2020].

Чтобы разобраться в причинах и предпосылках этой особенности, будет продуктивным обращение к разработкам теории РЖ

⁴ ФА СПбГУ, зап. от Щеплановой Лидии Леонидовны, 1967 г. р., в д. Козьмогородское Козьмогородского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 10.07.2015 И.С. Веселовой, В.А. Краутман.

в области разговорной речи. В частности, в данном случае кажутся уместными аналогии с описанным И.Н. Борисовой явлением инклюзивной функциональной транспозиции речевого жанра, свойственным разговорной коммуникации. Суть его состоит в следующем.

Указав на существование в рамках неофициального бытового общения двух типов коммуникации – *непринужденной* (мотивированной потребностью в контакте) и *актуальной* (мотивированной решением практической или познавательной задачи), исследовательница описала свойства каждому типу коммуникации речевые макро- и микрожанры (например, в рамках непринужденной, фатической коммуникации функционирует диалогический макрожанр «светская беседа» с микрожанрами «приветствие», «прощание», «комплимент» и т. д.). Закрепленность РЖ за типами коммуникации не является жесткой – отдельные РЖ могут использоваться в несвойственных им сферах, однако при этом наблюдается изменение их функции. Ср.: «Так, информативный рассказ об общем знакомом или разговор-обсуждение <...> при включении в контекст непринужденного диалогического взаимодействия тяготеют к разработке в жанре сплетни, чему способствует характерная для фатики гипертрофия модально-оценочного компонента текста» [Борисова 2009, с. 66]. Такое варьирование функций РЖ (контекстуального изменения интенционального содержания) при его включении в несвойственный ему коммуникативный контекст И.Н. Борисова назвала «инклюзивной функциональной транспозицией речевого жанра» [Борисова 2009].

Можно предположить, что подобное же изменение – только в обратную сторону – наблюдается при экспликации фольклорного текста в ситуации интервью, а не непринужденной беседы на досуге (то есть в рамках актуальной, а не фатической коммуникации). Информанты-собеседники, реагируя на запрос исследователя-собираателя об информации – о том, «как было раньше», и дают собственно свидетельские показания о том, как было раньше, когда они воспринимали этот текст. Отсюда возникает своеобразная «вторичная достоверность» сказки – информанты стремятся передать информацию как можно более точно и точнее воссоздать ситуацию восприятия текста.

Можно привести примеры других проявлений «режима информирования» в тексте сказки, подтверждающих, что диалог ведется в условиях не фатической, а актуальной коммуникации. Ср.:

Потом вот сказку я ни разу сказку не слыхала здесь, а у нас рассказывали.

Жил-был старик, и у его нечего-нечего йисть. Вот он пошел капкан поставил. Медведь попал в капкан и вырвался, ногу оставил и убежал. *Слыхали такую, да?* (Угу. Но рассказывайте-рассказывайте! – Е. С.) (СЦР, № 48).

А в следующий раз, значит, то же самое, коза пришла там домой и ещё раз наказала, как уходить стала:

– Никому не открывайте! Не открывайте!

Только коза ушла – *тут то же самое будет повторяться!* (Повторяйте-повторяйте! – Е. С.) Вот только коза ушла – волк тут как тут (СЦР, № 37).

– Да как же, лиса, не плакать? Вот забрался какой-то зверь неведомый в мою избушку!

– Пойдем, я выгоню!

(Дальше знаете, да?) – Рассказывайте-рассказывайте! – Е. С. – *Так ну зачем повторяться?* – Нет, Вы очень интересно рассказываете! – Е. С.) Ну, пошли. Лиса приходит:

<...>

Лиса-то как напугалась и – бежать. *(Ну, я не буду повторяться, а то же самое с волком.* – Повторяйте-повторяйте! – Е. С. – Нет.) Встретился с волком – то же самое с волком. Потом то же самое с медведем. Они прогнали. Всё: дальше зайцу куда деваться? Медведь не мог выгнать! (СЦР, № 60).

Из этих примеров очевидно, что рассказчик постоянно имеет в виду цель своего собеседника, которую он понимает как запрос на информацию, что и провоцирует курьезные случаи – нежелание рассказывать сказку по «сказочным правилам», с повторами и стилистической обрядностью. Таким образом, коммуникативное событие «интервью», соответствующее актуальной коммуникации, а не фатической, меняет интенцию и вторичного РЖ – «сказка». И этот речевой субстрат – речевой макрожанр интервью-беседы, речевой «бульон», в который погружен текст сказки при ее записи, – таким образом постоянно «выплескивается» на поверхность – как проявление ситуации актуальной, а не фатической коммуникации, режима информирования. Причем это соположение и столкновение двух разных речевых стихий весьма заметно при анализе материала сказки, но в случае достоверной прозы «выход» говорящего из нарратива о событии в реальную коммуникативную ситуацию незаметен из-за сходства модальности и дейксиса этих текстов с речевым субстратом повседневной коммуникации (см. подробный анализ РЖ комментария в сказке и в мифологических рассказах в [Черванёва 2024]).

РЖ мифологических текстов в ситуации интервью меняют свои признаки. Е.Е. Левкиевская писала о «дрейфе» былички в сторону поверья при изменении коммуникативной ситуации и ухода от фатического контекста [Левкиевская 2008]. По моим наблюдениям, такие РЖ, как «обращения к мифологическому персонажу», «дидактические высказывания», выделенные Е.Е. Левкиевской и относимые ею к разряду директивов, в ситуации интервью также меняют свою коммуникативную интенцию и становятся информативными, поскольку иллюкутивная цель этих текстов в интервью – иллюстрировать верования в ответах на вопросы собирателя, а не выполнять свою первичную функцию. Ср.:

<Хозяин показывается когда-нибудь?> Дак, батюшко, если чего там надо сделать, дак идёшь во двор, во хлив, и хозяина, уж ты наберись натуры своей, если ты... ну, храбрости, натуры. Вот, если ты божественный и не трусишь, дак идёшь вот: «Батюшко-хозяюшко, от помоги мне в этом-то, в этом-то», – он выйдёт, показаться не покажется, а слова скажут. <Как скажет?> А Бох ёво... чево просишь, он то и скажет. <Совета у него надо просить?> Да, со... да, совету⁵.

«Спасибо» в байне не говорят. Не говорят, подрушка, не говорят. <Почему?> В байне не говорят «спасибо»⁶.

Слушать ходили. Возьмут кожу теляцью, да и сядут на кожу. Зацертятца там. Хвоста-то не зацртили, да их давай цёрт волощить на этой коже. Там уж, наверно, приговоры какие: «Цёрт, не ходи за церту». За хвост-то и стал волощить. <Где слушали, не знает> Слушали, што пригрезится⁷.

Таким образом, налицо общий речевой механизм варьирования РЖ в информативном диалоге (*make-know discourse*, «диалог-1» по Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1992, с. 52]) – явление инклюзивной функциональной транспозиции РЖ.

Погруженность текста в диалог, существование в рамках разговорного дискурса присуще любому фольклорному тексту, как и

⁵ АЛФ РГГУ, зап. от Силиной Таисии Ивановны, 1919 г. р., в с. Ухта Каргопольского района Архангельской обл. в 1996 г.

⁶ АЛФ РГГУ, зап. от Черепановой Анны Филипповны, 1921 г. р., в с. Ловзаньга (д. Заручье) Каргопольского района Архангельской обл. в 1999 г.

⁷ АЛФ РГГУ, зап. от Ворсиной Татьяны Павловны, 1923 г. р., в с. Калитинка Каргопольского района Архангельской обл. в 1993 г.

всем текстам вторичных РЖ, – это речевая среда, внутри которой они существуют. Лингвистическая же теория РЖ дает инструментарий для описания отношений фольклорного текста с речевой средой и включает фольклорные жанры в единое речевое поле.

С учетом всего вышесказанного вернемся к поставленному в начале статьи вопросу: являются ли комментарии сказочника элементом речевого жанра сказки и полноправной частью сказочного текста или же это комбинация двух отдельных речевых жанров? Полагаю, что РЖ «комментарий» является элементом не сказки, а макрожанра «интервью /беседа», прорывающимся в текст вторичного жанра «сказка».

Подведем итоги. Несмотря на во многом справедливую критику теории речевых жанров из-за неполноты классификаций, нечеткости критериев выделения жанров и отсутствия единой методологии, следует признать, что эта концепция обладает эвристическими возможностями применения в фольклористике. Теория РЖ предоставляет полезный инструментарий для анализа фольклорных текстов, позволяя изучать их в контексте речевой среды и с учетом коммуникативной ситуации. В частности, такой подход дал возможность заметить, что фольклорные жанры (сказки, анекдоты, мифологические рассказы, былины, песни и др.) эксплицируются в рамках более широких речевых жанров (макрожанров) – например, «беседа» или «интервью». При этом комментарии, которыми сопровождается фольклорный текст, являются элементами указанного макрожанра, а не самого фольклорного текста. Коммуникативная ситуация влияет и на характер последнего. В условиях актуальной, а не фатической коммуникации (при наличии запроса на информацию, что характерно для жанра интервью) фольклорные тексты могут менять свои функции, что приводит к явлению инклюзивной функциональной транспозиции РЖ.

Список сокращений

АЛФ РГГУ – Архив лаборатории фольклористики РГГУ.

РЖ – речевой жанр.

СЦР – Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI в. в записях Е.А. Самоделовой и друзей-фольклористов: тексты // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 51. Т. 1. 249 с.

ФА СПбГУ – Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

Литература

- Алпатов 2011 – *Алпатов В.М.* [Рец.:] В.В. Дементьев. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010 // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 126–131.
- Арутюнова 1992 – *Арутюнова Н.Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. С. 52–56.
- Бахтин 1996 – *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Работы 1940 – начала 1960-х гг. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.
- Борисова 2009 – *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Либроком, 2009. 320 с.
- Веселова, Лысикова 2024 – *Веселова И.С., Лысикова К.М.* Рассказы и рассказы-вания: коммуникативные роли, социальные статусы и речевые действия // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 3. С. 58–80.
- Веселова, Степанов 2019 – *Веселова И.С., Степанов А.В.* Опыт по ролям: перципиент, конфидент и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.
- Возякова 2014 – *Возякова Н.В.* Испанский традиционный романс: от фольклорной традиции до блокнота собирателя. М.: РГГУ, 2014. 364 с.
- Герасимова 1995 – *Герасимова Н.М.* Фигура медиации в русской волшебной сказке // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 8–9 / под ред. М.Ф. Альбедиль. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. С. 241–250.
- Герасимова 1997 – *Герасимова Н.М.* Севернорусская сказка как речевой жанр // Бюллетень Фонетического фонда русского языка. Прил. 6: Сказки Русского Севера / сост. С.Б. Адоньева, Н.М. Герасимова, А.Ю. Кастров, П.А. Скрелин, С.О. Тананайко. СПб.; Бохум, 1997. С. 7–27.
- Герасимова 2012 – *Герасимова Н.М.* Прагматика текста: Фольклор. Литература. Культура. СПб.: РИИИ: СПбГУ, 2012. 364 с.
- Дементьев 2010 – *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 595 с.
- Исаков 2024 – *Исаков А.В.* Воображаемые контексты: идеология и интерпретация бурятских исторических песен в исследованиях XIX–XX вв. // Реконструкции в фольклористике: допустимость, возможность, необходимость: материалы круглого стола (Москва, РГГУ, 18–19 апреля 2024 г.) / сост. В.А. Черванёва. М.: РГГУ, 2024. С. 11–12.
- Левкиевская 2006 – *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10: Семантика и прагматика текста / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.
- Левкиевская 2008 – *Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности

- сти / сост. А.С. Архипова*, М.А. Гистер, А.В. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.
- Неклюдов 2024 – *Неклюдов С.Ю.* Эвиденциальность как «внутренний комментарий» текста: свидетельства о «диком человеке» // *Фольклор: структура, типология, семиотика.* 2024. Т. 7. № 2. С. 58–80.
- НЗЛ 1986 – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / общ. ред. Б.Ю. Городецкий; сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой, В.З. Демьянкова. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
- Санникова 1994 – *Санникова О.В.* Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста // *Славянский и балканский фольклор: Ветования. Текст. Ритуал* / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1994. С. 44–83.
- Сидоренко 2018 – *Сидоренко А.В.* Заклинание как речевой и фольклорный жанр в детской речи // *Славянский альманах.* 2018. № 1–2. С. 261–277.
- Сычева 2014 – *Сычева К.Е.* Способы репрезентации традиционного знания как ритуально-мифологические жанры: на примере текстов алтайской традиции // *Антропологический форум.* 2014. № 23. С. 26–37.
- Толстая 2015 – *Толстая С.М.* Речевые акты и речевые жанры в фольклоре // *Живая старина.* 2015. № 4 (88). С. 20–23.
- Фролова 2008 – *Фролова О.Е.* Референциальные механизмы фольклорного и авторского художественного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 2008. 47 с.
- Черванёва 2017а – *Черванёва В.А.* Границы достоверности мифологического рассказа: делал – видел – слышал – был // *Русская речь.* 2017. № 5. С. 112–117.
- Черванёва 2017b – *Черванёва В.А.* Речевые жанры мифологического текста: субжанр личной интерпретации // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика».* 2017. № 1. С. 76–78.
- Черванёва 2019 – *Черванёва В.А.* «...Это, милая моя, воображение людей»: типичное в личных интерпретациях мифологических явлений // *Уникальное и типичное в славянском фольклоре* / сост. А.Б. Мороз, Н.В. Петров, Н.С. Петрова, О.В. Белова. М.: РГГУ, 2019. С. 92–103.
- Черванёва 2020 – *Черванёва В.А.* Между быличкой и сказкой: лингвистические маркеры жанра // *Вестник славянских культур.* 2020. Т. 56. С. 101–114.
- Черванёва 2024 – *Черванёва В.А.* Ремарка в сказочном и несказочном тексте: проблема речевого жанра // *Фольклор: структура, типология, семиотика.* 2024. Т. 7. № 2. С. 10–25.

* Минюст России внес А.С. Архипову в список «иностранных агентов».

References

- Alpatov, V.M. (2011), "[Review of:] V.V. Dementyev. Theory of speech genres. Moscow: Znak, 2010", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 126–131.
- Arutiunova, N.D. (1992), "Genres of communication", in Bulygina, T.V., ed., *Chelovecheskii faktor v yazyke: Kommunikatsiya, modal'nost', deiksis* [Human factor in language: Communication, modality, deixis], Nauka, Moscow, Russia, pp. 52–56.
- Bakhtin, M.M. (1996), "The problem of speech genres", in Bakhtin, M.M., *Sobranie sochinenii, t. 5: Raboty 1940 – nachala 1960-kh gg.* [Collection. cit., vol. 5: Works of the 1940s – early 1960s], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 159–206.
- Borisova, I.N. (2009), *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics], Librokom, Moscow, Russia.
- Chervaneva, V.A. (2017), "Veracity limits of oral mythological narratives: done – seen – heard – happened", *Russkaya rech'*, no. 5, pp. 112–117.
- Chervaneva, V.A. (2017), "Speech genres of mythological text: subgenre 'personal interpretation'", *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya. Zhurnalistika"*, no. 1, pp. 76–78.
- Chervaneva, V.A. (2019), " '...This, my dear, is people's imagination': typical in personal interpretations of mythological phenomena", in Moroz, A.B., Petrov, N.V., Petrova, N.S. and Belova, O.V., comps., *Unikal'noe i tipichnoe v slavyanskom fol'klоре* [Unique and typical in Slavic folklore], RGGU, Moscow, Russia, pp. 92–103.
- Chervaneva, V.A. (2020), "Between the bylichka (belief legend) and folktales. Linguistic markers of genre", *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, vol. 56, pp. 101–114.
- Chervaneva, V.A. (2024), "Remarque in fairy tale and non-fairy tale text: the problem of speech genre", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 10–25.
- Dementyev, V.V. (2010), *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres], Znak, Moscow, Russia.
- Frolova, O.E. (2008), *Referentsial'nye mekhanizmy fol'klornogo i avtorskogo khudozhestvennogo teksta* [Referential mechanisms of folklore and author's artistic text], Abstract of D. Sc. Dissertation (Philology), Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A.S. Pushkina, Moscow, Russia.
- Gerasimova, N.M. (1995), "The figure of mediation in a Russian fairy tale", in Albedil, M.F., ed., *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera: Ethnographic notebooks], iss. 8–9, Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia, pp. 241–250.
- Gerasimova, N.M. (1997), "Northern Russian fairy tale as a speech genre", in Adon'eva, S.B., Gerasimova, N.M., Kastrov, A.Yu., Skrelin, P.A. and Tananaiko, S.O., comps., *Byulleten' Foneticheskogo fonda russkogo yazyka. Prilozhenie № 6: Skazki Russkogo Severa* [Bulletin of the Phonetic Fund. Appl. 6: Tales of the Russian North], Saint Petersburg, Russia, Bochum, Germany, pp. 7–27.
- Gerasimova, N.M. (2012), *Pragmatika teksta. Fol'klор. Literatura. Kul'tura* [Pragmatics of the text. Folklore. Literature. Culture], RIII, SPbGU, Saint Petersburg, Russia.

- Isakov, A.V. (2024), "Imaginary contexts: ideology and interpretation of Buryat historical songs in studies of the 19th – 20th centuries", in Chervaneva, V.A., comp., *Rekonstruktsii v fol'kloristike: dopustimost', vozmozhnost', neobkhodimost': materialy kruglogo stola (Moskva, RGGU, 18–19 aprelya 2024 g.)* [Reconstructions in folklore studies: admissibility, possibility, necessity: materials of the round table (Moscow, RSUH, April 18–19, 2024)], RGGU, Moscow, Russia, pp. 11–12.
- Kobozeva, I.M. and Demyankov, V.Z., comps. (1986), *Novoe v zarubezhnoi lingvistikhe. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Iss. 17: Theory of speech acts], Progress, Moscow, USSR.
- Levkievskaya, E.E. (2006), "Pragmatics of the mythological text", in Tolstaya, S.M., ed., *Slavianskii i balkanskii fol'klor, Vyp. 10: Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan folklore, iss. 10: Semantics and pragmatics of the text], Indrik, Moscow, Russia, pp. 150–214.
- Levkievskaya, E.E. (2008), "Bylichka as a speech genre", in Arkhipova*, A.S., Gister, M.A. and Koz'min, A.V., eds., *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statei v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deyatel'nosti* [Bricks: folkloristics and cultural anthropology today. Digest of articles in honor of the 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his scientific activity], RGGU, Moscow, Russia, pp. 341–363.
- Neklyudov, S.Yu. (2024), "Evidentiality as an 'internal commentary' on the text: Testimonies about the 'wild man' ", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 58–80.
- Sannikova, O.V. (1994), "Polish mythological vocabulary in the structure of folklore text", in Tolstoy, N.I., ed., *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan folklore: Beliefs. Text. Ritual], Nauka, Moscow, Russia, pp. 44–83.
- Sidorenko, A.V. (2018), "Spell as a speech and folklore genre in children's speech", *Slavianskii al'manakh*, no. 1–2, pp. 261–277.
- Sycheva, K.E. (2014), "Methods of representation of traditional knowledge as ritual-mythological genres: on the example of texts of the Altai tradition", *Antropologicheskii forum*, vol. 23, pp. 26–37.
- Tolstaya, S.M. (2015), "Speech acts and speech genres in folklore", *Zhivaya starina*, vol. 88, no. 4, pp. 20–23.
- Veselova, I.S. and Lysikova, K.M. (2024), "Story and story-telling: communicative roles, social status and speech acts", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 3, pp. 58–80.
- Veselova, I.S. and Stepanov, A.V. (2019), "Experience by roles: percipient, confident and others (communicative basis of the composition of mythological narratives in the Russian North)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 10–24.
- Vozyakova, N.V. (2014), *Ispanskii traditsionnyi romans: ot fol'klornoi traditsii do bloknota sobiratelya* [Spanish traditional romance: from folklore tradition to a collector's notebook], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; viktoriya-chervaneva@yandex.ru